

Глава 78 – Мисс слишком жестока

Сан Чэнь сунул зарисовку шахматной партии в руки старика, потом сложил в корзину шахматы и доску и, не озаботившись сбором платы, быстро закинул корзину на плечи.

- Мисс, этот скромный уже собрался.

Жань Янь кивнула, повернулась и вышла из толпы.

- Молодой мастер, - старик, держащий зарисовку шахматной партии, встал, громко окликнув Сан Чэня.

Сан Чэнь остановился и озадаченно посмотрел на него:

- По какому делу старейшина остановил младшего?

Старик, откинув рукава, сложил руки в приветствии и сказал:

- Блестящий талант Молодого мастера вызвал у старика восхищение. Не могли бы вы назвать мне ваше имя?

Сан Чэнь быстро ответил на приветствие, сказав:

- Моя фамилия Сан, имя Чэнь, второе имя Суй Юань, и я новый учитель в деревне Чжоуцзя.

- Сан Суй Юань? - Глаза старика прояснились, и все же он недоверчиво спросил: - Скажите, а кто учитель Молодого господина?

Сан Чэнь задумался на мгновение: у него было много учителей, включая знаменитых ученых из императорской академии, и главного наставника конфуцианства города Чанъань. Но если он должен был назвать учителя, то по его мнению им можно было считать только одного человека, действительно многому научившего его, поэтому он сказал:

- Учитель младшего - главный наставник [1] храма Син Шань Хуай Цзин.

Старик, казалось, был доволен ответом, снова и снова повторяя:

- Наслышан! Наслышан! Через два дня этот старик обязательно приедет к вам с визитом!

Сан Чэнь ответил:

- Тогда буду терпеливо ждать старейшину через два дня.

Двое церемонно попрощались, на том и расстались.

С окончанием шахматной партии толпа постепенно рассеялась, и оказалось, что в одном углу и в самом деле было заблокировано шесть-семь повозок, одна из которых принадлежала поместью Жань.

После того, как Жань Янь и Ван Лу забрались в повозку, Сан Чэнь устроился рядом с возницей.

Повозка медленно выехала из Восточного города, плавно отправляясь в дорогу.

Ван Лу заметила, что Сан Чэнь интересуется Жань Янь, а так как ей все равно было скучно, она прислонилась к стенке повозки и спросила:

- Господин Сан, как вышло, что вашим учителем был буддийский монах?

Чистый голос Сан Чэня донесся снаружи. Казалось, он был в хорошем настроении.

- Этот скромный с юных лет воспитывался в храме Син Шань, наставник Хуай Цзин учил меня грамоте и прочим знаниям. И хотя наставник формально не был учителем, все же в моем сердце он был учителем и отцом.

Жань Янь слышала о его личности от Жань Юнь Шэна. Хотя он был наследником семьи Цуй, но был отправлен в семью своей матери. И похоже, те тоже не захотели воспитывать ребенка, поэтому отправили его напрямую в храм. Неудивительно, что у него был такой характер при подобном воспитании.

Ван Лу, однако, не знала его жизненной истории. Поэтому услышав, что его воспитывали в храме, спросила:

- Господина Сана воспитывали в храме из-за его плохих чисел?[2]

- Мм... этот скромный не знает, учитель Хуай Цзин[3] никогда такого не говорил. Он только сказал, что я должен жениться и завести ребенка до моего восемнадцатилетия, но... - Сан Чэнь был немного растерян. - Но моя семья бедна и у меня мрачное будущее, боюсь, ни одна девушка не захочет выйти за меня замуж.

Губы Жань Янь изогнулись в легкой улыбке, клан Цуй из Болина называли бедной семьей? У

того кто занимал первое место четыре года в школе все еще может быть мрачное будущее? Жань Юнь Шэн также сказал, что самым идеальным мужем в сознаниях благородных девушек Чанъаня был Сан Чэнь. Она опасалась, что, как только он появился бы там, толпа женщин сражалась меж собой за возможность вступить с ним в брак.

Но судя по словам Сан Чэня, он никогда не считал себя потомком клана Цуй.

- Зачем вы отправились играть в шахматы к Восточным Воротам? - Неожиданно спросила Жань Янь.

Сан Чэнь услышав голос Жань Янь, на мгновение заколебался, затем на его лице появилась яркая улыбка:

- В прошлый раз я одалживал чужую печь. Ее хозяин никогда не брал с меня денег. Позже я узнал, что это довольно дорого. Я был едва знаком с хозяином печи, и мне не нравится быть у кого-то в долгу, поэтому я решил заработать немного денег игрой в шахматы.

- После того, как мы вернемся, я пришлю вам двадцать таэлей серебра, так как печь была нужна для моих нужд, - сухо сказала Жань Янь.

- Как я могу такое допустить? - Немедленно ответил Сан Чэнь и тихо добавил: - Когда-нибудь я все-таки смогу расплатиться.

Жань Янь спросила:

- Сколько вы брали за раунд организованной вами игры?

- Десять вэнь, - Сан Чэнь поджал губы, быстро прикинув, сколько лет ему придется трудиться, чтобы вернуть двадцать таэлей (1000 вэнь - 1 таэль).

Жань Янь успокоилась и продолжила расспросы:

- Откуда у вас такие навыки в шахматах?

Сан Чэню показалось, что Жань Янь почему-то им недовольна и, робея, ответил:

- В свободное от преподавания время, когда у меня нет работы, я обдумываю разные партии для саморазвития, а так как в эти годы я не был особенно занят, я много думал.

Жань Янь оторопела, когда она имела с ним дело, он всегда сводил ее с ума, что заставило ее рассмеяться:

- У вас за последний час, наверное, ушло на игру много умственных и физических сил, и вы говорите, что просили за это всего лишь десять вэнь? Вы хоть знаете цену деньгам?

Жань Янь всегда была холодна и безразлична к Сан Чэню, но отчего-то сейчас она сильно разозлилась, так что Сан Чэнь сидевший снаружи чувствуя себя как на иголках, тщательно объяснил:

- Первоначально я собирался просить пятнадцать вэнь, но тот старейшина сказал, что это слишком дорого.

- Пятнадцать вэнь, да вы определенно преуспеете. - Жань Янь стиснула зубы.

Ее одновременно разбирали раздражение и смех. Жань Янь понадобилось некоторое время, чтобы справиться с эмоциями, но она сразу подумала: да какая разница, что он не хочет денег, разве нельзя просто всучить их ему?

- Ван Лу, как вернемся, выйдя из повозки, отдай двадцать таэлей господину Сану из платы за консультацию, которую мы только что получили. - Холодно сказала Жань Янь.

Сан Чэнь упрямо прошептал:

- Не делайте этого, у этого скромного есть достоинство...

Жань Янь резко оборвала его:

- Если я даю вам деньги, вам решать что с ними делать! Не выбросите же вы их?

Сан Чэнь вжал голову в плечи и пробормотал тихим голосом:

- Мисс слишком жестока, в «Свитке наставлений женщинам» есть следующие слова: добродетель благородной женщины в кротости, сулящей ей счастье. В «Биографии образцовых женщин»[4] также сказано: женщина должна быть спокойной и скромной, хранить духовную и телесную чистоту, не совершать постыдных поступков - это зовется женской добродетелью[6].

- Залезайте в повозку. - Медленно, но весомо сказала Жань Янь.

Сан Чэнь, сидевший на козлах, замер и, уткнувшись головой в корзину, сделал вид, что не слышит.

Жань Янь нетерпеливо продолжила:

- Намерен ли господин Сан заставить меня выйти, чтобы пригласить его?

Сан Чэнь поелозил задницей и, очень медленно открыв занавеску, быстро взглянул на выражение лица Жань Янь. Его лицо то краснело, то бледнело. И было не ясно, стеснялся ли он или был напуган. Он крепко вцепился корзину и присел рядом с дверью повозки.

- Мисс хотела что-то приказать?

- Господин Сан, так в чем состоит добродетель женщины? - Жань Янь опершись щекой на руку, склонилась над небольшим столиком в сторону молодого человека и искоса посмотрела на него.

В этом спокойном взгляде была нотка лени. Сан Чэнь только взглянул на нее, и его разум опустел. Где он мог вспомнить, что такое добродетель женщины, он просто опустил глаза, не зная, что сказать.

При виде Сан Чэня похожего на кролика после запугивания мисс, Ван Лу громко рассмеялась.

Сан Чэнь был так смущен, что хотел вырыть нору и заползти в нее, казалось, мочки его ушей начнут кровоточить.

- Господин Сан, моя мисс подшучивает над вами. Господин должен быть осторожен. - Ван Лу знала натуру Жань Янь. Хотя после болезни та стала несколько холодна, но обычно никогда не сердилась. Более того Сан Чэнь не совершил ничего непростительного, хотя то, как он себя вел, бесило, но деваться было некуда.

Жань Янь смотрела на этого красивого, смущенного мужчину, в душе немного сочувствуя ему. Будучи членом богатой и влиятельной семьи, рожденным с золотой ложкой во рту, из-за низкого статуса своей матери ему пришлось расти в храме в обществе кучки монахов. Размышляя об этом, Жань Янь хотелось встретиться с этим наставником Хуай Цзином. Какой человек мог научить Сан Чэня таким понятиям добродетели и поведения?

Ван Лу пыталась развеять напряжение, но атмосфера не стала лучше. В повозке стояла тишина, и слышалось только ее гроыхание по дороге. Вечерело, яркие облака покрывали небо. Все между небом и землей было залито слоем золотисто-красного цвета, веял прохладный вечерний бриз.

Повозка затряслась на деревянном мосту, и ясные глаза Сан Чэня беспокойно зыркнули за бамбуковую занавеску, и только тогда когда они перебрались через деревянный мост, он вздохнул с облегчением.

Жань Янь посмотрела на него так, словно, внезапно в ее сердце зародилось разочарование[5], и она, не сдержавшись, спросила:

- Разве буддизм не делает упор на безразличии к вопросам жизни и смерти? Вы выросли в храме, почему до сих пор не знаете об этом?

- Мастер Хуай Цзин сказал, что у этого скромного нет судьбы с Буддой, поэтому, нет и просветления. - Глаза Сан Чэня были яркими, как лазурное небо и чистыми, как прозрачный ручей, они невинно изучали узор на деревянной коробке около Жань Янь.

Жань Янь подумала, что это слишком странно. Она знала, что монахи всегда говорят о судьбе. Всякий раз, когда они произносили это слово, у всех была судьба с Буддой. И вдруг, она услышала, что кто-то сказал: «Нет судьбы с Буддой».

Жань Янь вдруг осознала, что наставник Хуай Цзин был крайне проницательным человеком.

- Вам не нужно всегда говорить этот скромный то, этот скромный это. Такое обращение действует мне на нервы. - Жань Янь понизила тон, и обнаружила, что если это были не принципиальные вопросы, они, как оказалось, могли вести совершенно спокойную беседу.

Однако иногда, когда Сан Чэнь вел себя как идиот, Жань Янь постоянно хотела вскрыть его черепушку и изучить, отличается ли структура его мозга от обычных людей. Теперь... особенно после того, как она услышала о его прошлых деяниях, Жань Янь все чаще думала о том, чтобы прикончить его, спрятать тело и провести тайное вскрытие.

Сан Чэнь, естественно, не знал, что стал лягушкой на столе для вскрытий в сердце Жань Янь, и он был очень счастлив. Обычно, когда люди незнакомы друг с другом, они используют скромные или уважительные формы обращения. Только после того, как они ближе познакомятся, обращаются друг к другу напрямую. Он рассматривал это как проявление более близких отношений, и радость в его сердце была четко видна на его лице.

Ван Лу про себя оплакивала его. Хотя Сан Чэнь был красавчиком, и пусть он не мог сравниться с мастером Сяо - драконом среди людей, по словам Син Нянь, он все же был благородным и скромным господином. Если бы у него было хорошее семейное происхождение, не повлияло бы даже отсутствие репутации! Поэтому она, не желая сдаваться, спросила:

- А где находится родной город господина Сана? Есть ли дома другие родственники?

Сан Чэнь ответил:

- Наставник Хуай Цзин сказал, что я родился в городе Юэчжоу, который сейчас переименовали Лянчжоу. После того, как мои родители скончались, меня отправили в семью Сан в Чанъане. Семья Сан не имела возможности меня вырастить, поэтому отослали в храм Син Шань.

После падения династии Суй, процветала династия Тан клан Ли поклонялся как предку даосу

Лаоцзы [6]. Буддизм постепенно сменился даосизмом. Пока императорский двор решительно поддерживал даосизм, храмы других религий приходили в упадок, а даосские храмы появлялись повсюду. К счастью, буддизм все еще имел множество верующих среди простых людей. Более того, император не позволил бы одной религиозной секте править в одиночку, и время от времени он помогал еще одной-двум, чтобы те смогли выжить.

Но жизнь в храме была не легкой. Если бы семья Сан не добавила благовоний и масляных денег, как монахи могли принять в храм ребенка? Да еще ребенка без судьбы с Буддой.

Жань Янь поняла, что Сан Чэнь не верил словам наставника Хуай Цзина, но воспринял их всерьез. Она не знала, было ли это из-за его привычки избегать проблем или он предпочитал верить, что в этом мире все еще есть хоть какой-то след тепла.

Ван Лу вздохнула:

- Раба была безрассудна, пожалуйста, простите господин Сан.

Сан Чэнь быстро замахал руками:

- Все в порядке. Все в порядке.

Примечания

[1] Наставник 師父 (фаши) используется для буддистов или даосских священников, освоивших сутры и хорошо владеющих учением Будды.

[2] Она имеет в виду восемь китайских иероглифов, которые объединяют год, месяц, день и час чьего-либо рождения, чтобы предсказывать судьбу.

[3] Учитель 师父 (шифу); здесь он изменил способ, которым он обращается к своему учителю, и это слово является комбинацией учитель + отец; оно также используется для буддистов или даосских священников, которые освоили сутры и хорошо владеют учением Будды.

[4] Наставления – это жанр прозы, который «исследует» последствия определенных действий, предупреждая о вредном или необдуманном поведении и призывая к лучшему. Второе можно сказать, что это старинный способ написания пояснений, разборки и интерпретации классики, будь то конфуцианская классика или религиозные писания; обычно переводится как биография, анналы или комментарии.

«Свиток наставлений» - китайская повествовательная живопись на шелке, которая традиционно приписывается Гу Кайжи, но современная наука считает ее работой 5–8-го века, которая может как быть так не быть копией оригинальной придворной картины династии Цзинь, написанной Гу.

«Биографии образцовых женщин» – книга, составленная ученым династии Хань Лю Сян с. 18 г. до н. Э. Он включает в себя 125 биографических описаний образцовых женщин в древнем Китае, взятых из ранних китайских историй, включая Chunqiu, Zuo zhuan и Записи Великого Историка.

[5] Популярная китайская фраза: «Ненавижу железо за то, что оно не стало сталью»; т.е. быть разочарованным тем, что кто-то не оправдал ожиданий.

[6] Лао-цзы (Старый Младенец, Мудрый Старец) 老子, Lǎo Zǐ, VI век до н.э.) — древнекитайский философ VI-V веков до н. э., которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин». В рамках современной исторической науки историчность Лао-цзы подвергается сомнению, тем не менее в научной литературе он часто всё равно определяется как основоположник даосизма. В религиозно-философском учении большинства даосских школ Лао-цзы традиционно почитается божеством — один из Трёх Чистых.

[7] Добровольные пожертвования для храмов буквально называются «добавлением благовоний и масляных денег»; другими словами, она говорит, что семья Сан заплатила храму – в виде пожертвований – за то, что те приняли Сан Чэня.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/8781/796743>